

DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-3-446

УДК 81.432.1-006

Научная статья | Языки народов зарубежных стран

ВЫРАЖЕНИЕ ЖЕНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЧЕРЕЗ МАНИФЕСТАЦИЮ ГЛАГОЛА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА У. ТЕВИСА «ХОД КОРОЛЕВЫ»)

Е.И. Винник

В статье рассматривается проблема становления женской идентичности в современных условиях, определенных мировоззрением постмодерна. Актуальность данного исследования обусловлена назревшей необходимостью теоретического осмысления и практического изучения роли языка как средства конструирования гендера через глагол.

Цель. Выявить динамику становления женской идентичности в художественном тексте посредством глагольного воплощения.

Материалы и методы. В исследовании применяются: дефиниционный анализ гендерных тенденций, проблемы женской гениальности, контекстологическое наблюдение речевого материала художественного текста, интерпретирование и систематизация языковых фактов, статистическая обработка данных.

Результаты. Подтверждена гипотеза возможной динамики становления женской идентичности в художественном тексте посредством анализа глагольного семантического пространства романа У. Тевиса «Ход королевы» (около 1900 манифестаций).

Область применения результатов. Исследовательские результаты могут найти применение в системном изучении употребления глагола и глагольных форм в текстуальном пространстве как средства реализации гендерного аспекта.

Ключевые слова: гендер; идентичность; феминность; постмодерн; глагол; феминный хабитус; гений; роман инициации

Для цитирования. Винник Е.И. Выражение женской идентичности через манифестацию глагола (на материале романа У. Тевиса «Ход королевы») // Современные исследования социальных проблем. 2024. Т. 16, № 3. С. 138-156. DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-3-446

Original article | Languages of Peoples of Foreign Countries

EXPRESSION OF FEMALE IDENTITY THROUGH VERBAL MANIFESTATION (ON THE BASIS OF THE QUEEN'S GAMBIT BY W. TEVIS)

E.I. Vinnik

Background. *The article discusses the problem of female identity's formation in the modern context determined by the worldview of post-modernism. The relevance of this study is due to the urgent need for theoretical understanding and practical scrutiny of the linguistic role as means of constructing gender through the verb.*

Purpose. *The study is aimed to ascertain the dynamics of female identity's formation in literary text through verbal presentation.*

Materials and methods. *The survey is based on: the definitional analysis of gender tendencies, problems of female genius, contextual observation of speech material of the fictional work, as well as linguistic facts interpretation and collation, statistical data manipulation.*

Results. *The hypothesis of potential dynamics of the female identity's formation in the literary text through the verbal semantic space's analysis of the novel The Queen's Gambit by W. Tevis (1900 manifestations) is justified.*

Practical implications. *The research outcome can find the application in systematic scrutiny of the verb/ verbals usage in the textual space as a means of gender aspect implementation.*

Keywords: *gender; identity; femininity; postmodern; verb; feminine habitus; genius; initiation novel*

For citation. *Vinnik E.I. Expression of Female Identity Through Verbal Manifestation (on the Basis of the Queen's Gambit by W. Tevis).*

Sovremennye Issledovaniya Sotsialnykh Problem [Modern Studies of Social Issues], 2024, vol. 16, no. 3, pp. 138-156. DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-3-446

Введение

Изучение феномена женской идентичности является актуальной темой в современной культуре. В рамках различных гуманитарных исследований в русле культурологии, философии, социологии, гендерологии, лингвистики учёные обращаются к проблеме идентичности. Труды австрийского психоаналитика З. Фрейда в конце XIX в. основывались на анализе бессознательного в человеческой природе, опирающемся на концепцию существования традиционной биологической дихотомии «мужское/ женское». Женская идентичность в контексте биологического детерминизма определялась через призму материально-биологических факторов, характеризующих женщину в том или ином социуме и отсылалась к фрейдистскому представлению о врожденном мужском / женском начале. Структуру бессознательного ученый обозначал как гетерогенную, множественную и прерывистую, в которой соотношение компонентов и образов лишено последовательности. Следует отметить, что эти качества бессознательного дают возможность приблизиться к осмыслению феномена женского в культуре [7, с. 347].

Ключевую роль в становлении новых дефиниций идентичности имела философия постмодерна, опирающаяся на труды французских философов Ж. Лакана, С. де Бовуар, Ж.-Ф. Лиотара, Ж. Делеза, М. Фуко, Ф. Гваттари, Ж. Дерриды, Р. Брайдотти. Основанием культуры постмодерна считается новое ощущение картины мира, которое опирается на плюрализм мировоззрений. По мысли Ж.-Ф. Лиотара, французского философа, постмодернизм можно определить как «... общий культурный знаменатель второй половины XX века, уникальный период, в основе которого лежит специфическая парадигмальная установка на восприятие мира в качестве хаоса» [11, с. 63]. Благодаря обозначенному Ж.-Ф. Лиотаром понятию «постмодернистское состояние» термин *постмодерн* получает рас-

пространение в исследованиях проблематики социума. В состоянии, когда система культуры постмодерна лишена иерархичности, ее компоненты равнозначны, равноценны, отсутствует деление на «высокое/ низкое», те сферы общества и культуры, которые прежде были оставлены без внимания стали анализироваться. В частности, вопросы самоопределения и идентичности человека, его развития как уникального творческого субъекта и т.д. Более того, обретают подвижность привычные понятия личностных ценностей, стереотипов и норм поведения, ориентаций, отношений между людьми.

С различных мировоззренческих и теоретико-методологических позиций ученые предприняли панорамный анализ пермутаций, происходящих с основным субъектом культуры – человеком. В трудах французских философов Ж. Лакана и М. Фуко разработана символическая теория пола. Ученые испытывали сомнения в том, что имеется сущностное единство «Я» в пространстве и времени, т.е. самоидентичность. В концепции Ж. Лакана сущность человека невозможно зафиксировать, однозначно охарактеризовать ввиду того, что человек постоянно находится в поисках самого себя, субъективность рассматривается с точки зрения социальной и культурной конструируемости. Исследуя ранние этапы осознания человеком своей субъективности, ученый выделил так называемую стадию зеркала и понятие «друговость» – эксплицированность двойственности в сознании субъективности. По мнению Ж. Лакана, маскулинность и феминность – символические параметры субъективности, рождающиеся на стадии ее социальной идентификации. По утверждению ученого «друговость» всегда присутствует и определяет женскую субъективность. Следовательно, субъективность не может обрести устойчивую идентичность, соответственно существует множественность уровней идентичности. М. Фуко выдвигал идею «смерти субъекта» - идею об исчезновении или растворении человека, который может быть помыслен в универсальной форме субъекта, определяющего основания и дающего смыслы [15, с. 327]. В своих работах философ поднимал проблему субъективности и в соотношении с властью как фактора, оказывающего влияние на

формирование идентичности человека, мужчины или женщины, поскольку власть диктует норму, предписывает индивиду отождествляемый статус. В работе «Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы» М. Фуко излагает историю становления тела в качестве объекта дисциплины: «В любом обществе тело зажато в тисках власти, налагающей на него принуждение, запреты или обязательства» [14, с. 199].

Значительно обогатили изучение ситуации постмодерна исследования представительниц интеллектуального феминизма: С. де Бовур, К. Миллит, С. Фаейрстоун, Л. Ирригарей, Э. Сиксу, Ю. Кристевой и др. Феминистский проект в философии возник в результате социально-экономических и культурных изменений в обществе, позволивший проявиться женским проблемам. Вторая волна феминистского движения связана с появлением социальной теории пола. Французский философ С. де Бовуар в исследовании «Второй пол» констатировала наличие женской субъективности, вынужденной существовать зависимым, вторичным явлением в патриархальном мире. Ее концепция инаковости сводилась к тому, что мужское и женское признается в качестве равных, соответственно, трактовка женщины как второстепенного пола устраняется, она получает возможность реализации себя по тем же образцам и схемам, какие были доступны мужчинам. С позиций феминистских теоретиков «мужчина и женщина» – концепты, сконструированные культурой, т.е. мужская и женская бытийность – это выполнение стереотипных социокультурных, гендерных ролей. Здесь уместно обращение к, ставшей классической, формуле, выведенной С. де Бовуар: «*женщиной не рождаются, женщиной становятся*» [3, с. 158]. С феминистскими исследованиями связывают введение в научный обиход понятия *гендер*, интенсивное использование которого в качестве аналитического инструмента позволило открыть новые возможности в изучении проблем общества и культуры.

В данной статье речь пойдет об анализе образа женщины в контексте описанных выше изменений. Отождествление феномена «женщина» и четко зафиксированного типа феминности в действи-

тельности не обнаруживается, поскольку фемининность по мысли С.А. Ильиных «представляет собой набор установок, ролей, норм поведения, иерархию ценностей, свойственных женскому полу в каждом конкретном обществе» [9, с. 123]. Еще в 1970-х гг. американский психолог С. Бем стала автором полоролевого опросника с целью исследования женщин в рамках определения типизированности гендерной идентичности. В ходе работы она выявила следующие три типа: маскулинный, фемининный и андрогинный. В последнее десятилетие предприняты попытки осмыслить множественность и неоднозначность фемининности, расширить типологию ее проявления. Отечественным социологом С.А. Ильиных предложена система фемининности, включающая следующие типы: нормативную, инверсионную, андрогинную, инфантильную, деформированную, ограничительную, естественную, престижную, имитационную, которые отражают множественность женских образов. Релевантно стоит отметить, что гендерная идентичность, по мнению психологов, усваивается индивидом в процессе социализации. Российские ученые в области гендера Е.А. Здравомыслова и А.А. Темкина указывают на то, что гендерная идентичность формируется у индивида в возрасте 5-7 лет с последующим наполнением и развитием посредством опыта и практик. А главным этапом вторичной социализации называют возраст между 17-25 годами, когда формируется мировоззрение личности и ее представления о собственном предназначении: «Период первичной социализации связан в основном с бессознательными и пассивными механизмами усвоения культуры, в то время как вторичная социализация предполагает большую включенность когнитивных механизмов и возможность творческого преобразования среды» [8, с. 114].

Устойчивость исторически сложившегося стереотипа об отсутствии женской гениальности служила причиной ее гендерной сегрегации как от предмета исследований ученых. Гениальность считалась сугубо мужской способностью и не подлежала сомнению. Историческая ретроспектива развития культуры свидетельствует о невозможности женщин проявить свои таланты,

неординарные дарования ни в одном виде творчества и оставить заметный след в анналах достижений. Отсутствие великих свершений, открытий со стороны женщин долгое время было темой ироничных насмешек, злых нападок, снисходительного оценивания женского пола как ущербного и неполноценного по сравнению с мужским. Немецкий философ Г. Гегель считал, что наука, философия, искусство – области знания, невозможные для женщины. Различия между мужчиной и женщиной он сравнивал с различием между животным и растением. Австрийский психоаналитик З. Фрейд язвительно заметил: «Полагают, будто женщины внесли меньший вклад в открытие и изобретение истории культуры, но, может быть, именно они открыли один вид техники – технику плетения и ткачества» [13, с. 383].

По мысли австрийского философа и психолога О. Вейнингера, «талант встречается у настоящей женщины крайне редко и бывает мало интенсивен <...> гениальность является некоторой степенью высшей мужественности, а потому – то женщина и не может быть гениальной» [5, с. 93]. Вопрос о роли гения и понимании гениальности в эпоху постмодерна в аспекте гендерной коллизии инициировала философия феминизма. Идеолог движения С. де Бовуар утверждала, что гением способен стать тот, кто способен к трансценденции, основанной на свободе. Эту способность женщине развивать было не дано, но все должно поменяться с утверждением за ней свободы, в том числе творческой [3, с. 537]. Традиционно сложившаяся подчиненность женщины мужчине, а не врожденная предрасположенность лишала женский пол возможности принадлежать к особой группе людей-гениев.

Материалы и методы исследования

Проблема идентичности возникает в литературном дискурсе XX в. в связи с уходом от традиционных социальных ролей, ранее существовавших, укоренившихся и становится центральной для творчества писателей. Герои литературных произведений сфокусированы на поиске собственного места в новой модели социума,

на необходимости адаптироваться к быстро меняющейся действительности, на активном взрослении. Становится актуальной тема инициации. Этим объясняется возникновение в рамках романа воспитания инвариантной модели, получившей название *романа инициации*. Важно отметить особенность изображения истории героя в событийной канве этого типа романа, которая проявляется в становления личности, пережившей экзистенциальный переворот, т.е. прошедшей посвящение. Российский литературовед И.Е. Адельгейм, исследуя произведения, в которых репрезентирован мотив/ сюжет/ жанр инициации, замечает, что такой тип романа «изображает биографию как бы пунктиром, повествование не воспроизводит последовательно весь процесс взросления, а сосредоточено на моменте достижения зрелости, воспринимаемом как биографическая цезура» [1, с. 448]. Стоит отметить и тип героя романа инициации – это необычный персонаж, часто обладающий уникальными способностями, одаренный, способный нестандартно мыслить, брать на себя ответственность, принимать решения. Объектом нашего исследования стал жанр романа инициации в литературе США второй половины XX в.

Роман американского писателя У. Тевиса «Ход королевы», опубликованный в 1983 г., повествует о жизни девушки-шахматистки, вундеркинде Элизабет Хармон. Экранизация романа вышла в свет 2020 г., благодаря компании Netflix, главную роль в фильме сыграла британо-аргентинская актриса Аня Тейлор-Джой. В произведении представлен женский тип инициации. Роман У. Тевиса предваряется эпиграфом, взятым из стихотворения У.Б. Йейтса «Водомерка»:

*«She thinks, part woman, three parts a child,
That nobody looks; her feet
Practice a tinker shuffle
Picked up on the street.
Like a long-legged fly upon the stream
Her mind moves upon silence»* [16, p. 1].

Этот фрагмент стихотворения акцентирует внимание на одной из главных проблем произведения – внутренней работе гения в жен-

щине. По заявлению У. Тевиса, его роман – это дань уважения умным женщинам. В фабуле романа раскрывается жизнь героини Бет Хармон с момента ее детства, проведенного в сиротском приюте, в приемной семье, борьбы с транквилизаторами и алкогольной зависимостью до ее триумфального восхождения к вершине мировых шахмат - к званию гроссмейстера.

В аспекте гендерной лингвистики гендер как социокультурный пол может быть рассмотрен через его языковые репрезентации. Французский лингвист Э. Бенвенист, автор лингвистической теории субъективности, характеризуя язык, описывал его как «священное звено жизни психической и жизни общественнокультурной» [2, с. 45]. Сходная позиция ранее была изложена в работах А.А. Потебни, выдающегося отечественного языковеда: «язык есть средство не выражать уже готовую мысль, а создавать ее, что он не отражение сложившегося мирозерцания, а слагающая его деятельность» [12, с. 151]. Как индивидуальное явление язык изучался в работах русского лингвиста И.А. Бодуэна де Куртенэ, утверждавшего, что причину языковых изменений нужно искать в психической деятельности человека: «язык существует только в индивидуальных мозгах, только в душах, только в психике индивидов или особей, составляющих данное языковое общество» [4, с. 71]. Следовательно, гендерный подход позволяет изучить какими средствами располагает язык для конструирования гендерной идентичности.

Результаты исследования

Предметом нашего исследования выступают манифестации глагола как средства отражения динамики становления женской идентичности героини романа «Ход королевы». В работах российского лингвиста А.В. Кирилиной исследуется проблема конструирования маскулинности и фемининности через функционирование гендерных маркеров, среди которых можно выделить глаголы и глагольные формы, отражающие мужское и женское поведение [10, с. 137]. Интерес исследователей к классу глаголов обусловлен всеобщим

признанием нормативно-синтагматической ценности этой части речи, поскольку она фиксирует темпорально-динамический аспект объективной действительности, отражающейся в разнообразных последовательностях изменений.

Немецкий филолог В. фон Гумбольдт давно указывал на то, что «...Все остальные слова предложения подобны мертвому материалу... и лишь глагол является связующим звеном, содержащим в себе и распространяющим жизнь» [6, с. 135]. Одним из важнейших свойств семантики глагола учеными-лингвистами отмечается высокая степень вариативности при передаче информации, о протекании, характере и направлении процесса. Далее представим следующую таблицу 1, отражающую систематизацию основных парадигматико-семантических признаков глагола в романе «Ход королевы» У. Тевиса.

Таблица 1.

Классификация основных парадигматико-семантических признаков глагола в романе «Ход королевы» У. Тевиса

Класс	Подкласс	Количество манифестаций в динамике становления женской идентичности героини Бет Хармон			
		8 лет	13-16 лет	17 лет	18-19 лет
Динамические глаголы	Глаголы движения	14	42	61	83
	Глаголы совершения действия, поступка или воздействия	8	35	54	87
	Глаголы созидания или придания нового качества	5	13	21	29
	Глаголы приобретения	3	11	24	41
	Глаголы мгновенного действия	7	15	27	36
	Глаголы речи	13	28	45	67
	Глаголы звучания	2	5	8	12
	Глаголы эмоциональной реакции	17	31	48	71
	Глаголы «самостийные», обозначающие произвольные процессы, исключают волю или усилие субъекта	0	1	3	3
	Безличные глаголы	1	1	0	1

Статальные глаголы	Глаголы восприятия и осмысления	32	51	68	127
	Концептуально-дивергентные глаголы	5	12	16	19
	Глаголы ощущения и восприятия телом	12	25	37	45
Релятивные глаголы	Глаголы, передающие компаративные двусторонние отношения равенства/неравенства и т.д.	1	1	2	1
	Глаголы, выражающие отношение, включение	2	3	3	4
	Глаголы, передающие оценочные, эмоциональные отношения	22	38	52	61
Модальные, модусные, функторные глаголы	Модальные глаголы, выражающие долженствование, возможности, сомнения	6	13	17	23
	Модусные глаголы запрещения, препятствия	1	5	4	2
	Модусные глаголы интенции	18	33	56	73
	Глаголы, выражающие нереализованность действия или недостаточность	1	1	0	1
		170	364	546	786
Всего:		1 866			

В ходе статистического анализа употребления глагола и личных форм глагола в пространстве романа было установлено 1866 манифестаций, которые охватывают разного рода семантические классы и подклассы глаголов в речи Бет Хармон, освещающих четыре жизненных временных периода героини – от 8 до 19 лет.

Классификация, представленная в таблице 1, учитывает динамику становления женской идентичности Элизабет Хармон, репрезентированную основными парадигматико-семантическими признаками глагола в произведении.

Обсуждение

Статистический анализ исследуемого материала позволил установить:

- выбранный автором жанр романа инициации предоставил возможность на качественном уровне изучить фемининный хабитус биографической реконструкции пройденного жизненного пути героини и отследить индивидуальные процессы формирования ее идентичности. Развертывание перспективы становления личности героини, ее взросления носит динамичный характер, который можно обнаружить в ее портретизации через употребление динамических глаголов движения (14/ 42/ 61/ 83), совершения действия и поступка (8/ 35/ 54/ 87), эмоциональной реакции (17/ 31/ 48/ 71), речи (13/ 28/ 45/ 67), статальных глаголов восприятия и осмысления (32/ 51/ 68/ 127), ощущения и восприятия телом (12/ 25/ 37/ 45), релятивных глаголов, передающих оценочные, эмоциональные отношения (22/ 38/ 52/ 61). Таким образом, в изучаемом художественном тексте представлена трансформация личности Бет Хармон, поиск самоидентичности через возможность действовать, меняться, совершенствоваться посредством глагольных форм. Стоит отметить возрастающую частотность употребления глаголов, выражающих совершение поступка и осмысление на пути к взрослению героини, к экзистенциональному повороту ее сознания через отказ от пагубных привычек, осознание своего гения и профессиональную реализацию.
- автор У. Тевис в работе над текстом использует, характерный для человеческой когниции, принцип «когнитивной экономии», применяя глагол как ту часть речи, которая обладает информационной насыщенностью, при этом минимизирует когнитивные усилия и ресурсы человека. Рассмотрение траектории жизненного пути женского гения через призму употребления глагольных форм, в частности, модальных глаголов, выражающих долженствование, возможности, сомнения (6/ 13/ 17/ 23) и модусных глаголов интенции (18/ 33/ 56/ 73) подтверждают факт выраженной интенциональности, свойственной действиям героини и осмысленного целеполагания как способа ее мышления.

Таблица 2.

Поиск женской идентичности в глагольном выражении

Элизабет Хармон	Примеры
8 лет	<p>Abruptly she <u>saw</u> herself as a small unimportant person—a plain, brown-haired orphan girl in dull institutional clothes. She <u>was</u> half the size of these easy, insolent students with their loud voices and bright sweaters. She <u>felt</u> powerless and silly. But then she <u>looked</u> at the boards again, with the pieces set in the familiar pattern, and the unpleasant feelings <u>lessened</u>. She <u>might</u> be out of place in this public high school, but she <u>was not out of place</u> with those twelve chessboards. “Take your seats and be quiet, please.” Mr. Ganz spoke with surprising authority. “Charles Levy will take Board Number One, since he’s our top player. The rest can sit where they want to. There will be no talking during play.”</p> <p>Suddenly everyone was quiet, and they all began to look at Beth. She <u>looked back</u> at them, <u>unblinking</u>, and she <u>felt rising</u> in her a hatred as black as night. She <u>turned</u> to Mr. Ganz. “<u>Do I start now?</u>” she <u>asked</u>. “With Board Number One.”</p> <p>“And then I <u>go</u> to the next one?”</p> <p>“That’s right,” he said. She <u>realized</u> that he hadn’t even introduced her to the class. She <u>stepped over</u> to the first board, the one with Charles Levy sitting behind the black pieces. She <u>reached out</u>, <u>picked up</u> the king’s pawn and <u>moved</u> it to the fourth rank. The surprising thing was how badly they played. All of them. In the very first games of her life she <u>had understood</u> more than they did. They left backward pawns all over the place, and their pieces were wide open for forks. A few of them tried crude mating attacks. She <u>brushed</u> those aside like flies. She <u>moved</u> briskly from board to board, her stomach calm and her hand steady. At each board it <u>took</u> only a second’s glance to read the position and see what <u>was called for</u>. Her responses <u>were</u> quick, sure and deadly. Charles Levy was supposed to be the best of them; she <u>had</u> his pieces <u>tied up</u> beyond help in a dozen moves; in six more she <u>mated</u> him on the back rank with a knight-rook combination. Her mind <u>was</u> luminous, and her soul <u>sang</u> to her in the sweet moves of chess. The classroom smelled of chalk dust and her shoes squeaked as she <u>moved down</u> the rows of players. The room was silent; she <u>felt</u> her own presence centered in it, small and solid and in command. Outside, birds sang, but she <u>did not hear</u> them. Inside, some of the students stared at her. Boys came in from the hallway and lined up along the back wall to watch the homely girl from the orphanage at the edge of town who <u>moved</u> from player to player with the <u>determined</u> energy of a Caesar in the field, a Pavlova under the lights. There were about a dozen people watching. Some smirked and yawned, but others could feel the energy in the room, the presence of something that had never, in the long history of this tired old schoolroom, been felt there before. What she <u>did was</u> at bottom shockingly trivial, but the energy of her <u>amazing</u> mind <u>crackled</u> in the room for those who knew how to listen. Her chess <u>moves blazed</u> with it. By the end of an hour and a half, she <u>had beaten</u> them all without a single false or <u>wasted</u> move.</p> <p>She <u>stopped</u> and <u>looked</u> around her. Captured pieces sat in clusters beside each board. A few students were staring at her, but most avoided her eyes. There was scattered applause. She <u>felt</u> her cheeks flush; something in her <u>reached out</u> desperately toward the boards, the dead positions on them. There was nothing left there now. She <u>was</u> just a little girl again, without power [16, p. 28-29].</p>

<p>1-16 лет</p>	<ol style="list-style-type: none"> Beth <u>had learned not to believe</u> in God during her time in Methuen’s chapel, and she never <u>prayed</u>. But now she <u>said</u>, under her breath, <i>Please God let me play Beltik and checkmate him</i> [16, p. 66]. There was a tight little world of tournaments like the United States Championship and the Merriwether Invitational that she <u>knew</u> of through <u>overheard</u> conversations and from articles in <i>Chess Review</i>; it <u>was</u> time she <u>got into</u> it, and then into international chess. Sometimes she <u>would visualize</u> herself as what she <u>wanted to become</u>; a truly professional woman and the finest chessplayer in the world, <u>traveling</u> confidently by herself in the first-class cabins of airplanes, tall, perfectly <u>dressed</u>, goodlooking and <u>poised</u>—a kind of white Jolene. She often <u>told</u> herself that she <u>would send</u> Jolene a card or a letter, but she never <u>did</u>. Instead she <u>would study</u> herself in the bathroom mirror, <u>looking for</u> signs of that <u>poised</u> and beautiful woman she <u>wanted to become</u>. At sixteen she <u>had grown</u> taller and better-looking, <u>had learned to have</u> her hair cut in a way that <u>showed</u> her eyes to some advantage, but she still <u>looked</u> like a schoolgirl. She <u>played</u> tournaments about every six weeks now—in states like Illinois and Tennessee, and sometimes in New York. They still <u>chose</u> ones that <u>would pay</u> enough <u>to show</u> a profit after the expenses for the two of them. Her bank account <u>grew</u>, and that <u>was</u> a considerable pleasure, but somehow her career <u>seemed to be</u> on a plateau. And she <u>was</u> too old <u>to be called</u> a prodigy anymore [16, p. 97-98]. Beth <u>was</u> in high school now, and there was a chess club, but she <u>did not belong</u>. The boys in it were nonplused to have a Master walking the hallways, and they would stare at her in a kind of embarrassed awe when she <u>passed</u> <...> She <u>spent</u> about an hour a night on her homework and <u>made</u> As. But homework <u>meant</u> nothing to her. It <u>was</u> the five or six hours of <u>studying</u> chess that <u>was</u> at the center of her life. She <u>was enrolled</u> as a special student at the university for a class in Russian that <u>met</u> one night a week. It <u>was</u> the only schoolwork that she <u>paid</u> serious attention to [16, p. 108].
<p>17 лет</p>	<ol style="list-style-type: none"> ...she <u>felt</u> light and springy, ready <u>to go ahead</u> and <u>finish</u> high school and <u>devote</u> her energy to chess. She <u>had</u> three thousand dollars in her savings account; she <u>was</u> no longer a virgin; and she <u>knew</u> how <u>to drink</u> <...> Beth <u>graduated</u> from high school in June, and Mrs. Wheatley gave her a Bulova watch. The back of the case read “<i>With love from Mother.</i>” She <u>liked</u> that, but what she <u>liked</u> better <u>was</u> the rating that <u>came</u> in the mail: 2243. At the school party, several other graduates offered Beth surreptitious drinks, but she <u>refused</u>. She <u>had</u> fruit punch and <u>went</u> home early. She <u>needed to study</u>; she <u>would be playing</u> her first international tournament, in Mexico City, in two weeks, and after that came the United States Championship. She <u>had been invited</u> to the Remy-Vallon in Paris, at the end of the summer. Things were beginning to happen [16, p. 114]. She <u>arrived</u> five minutes early and <u>was</u> at the board when her opponent came walking up, a bit awkwardly. He looked about twelve years old. Beth <u>had seen</u> him around the ballroom, <u>had passed</u> boards where he was playing, but she <u>had been distracted</u>, and his youth hadn’t really registered. <...> It <u>was</u> very strange, and she <u>felt</u> uncomfortable. <i>She was supposed to be the prodigy.</i> He looked so damned <i>serious</i>. She <u>held out</u> her hand. “I’m Beth Harmon.” He stood, bowed slightly, took her hand firmly and shook it once. “I am Georgi Petrovitch Girev,” he said. Then he smiled shyly, a small furtive smile. “I am honored.”

	<p>She <u>felt flustered</u>. “Thanks.” They both <u>sat</u>, and he pressed the button down on her clock. She <u>played</u> pawn to queen four, glad <u>to have</u> the first move against this <u>unnerving</u> child. It started out as a routine Queen’s Gambit Accepted; he took the offered bishop pawn, and they both <u>developed</u> toward the center. But as they <u>got</u> into the midgame it became more complex than usual, and she <u>realized</u> that he was playing a very sophisticated defense. He moved fast—maddeningly fast—and he seemed to know exactly what he was going to do. She <u>tried</u> a few threats, but he was unperturbed by them. An hour passed, then another. The move numbers were now in the thirties, and the board was dense with men. She <u>looked</u> at him as he was moving a piece—at the skinny little arm stuck out from the absurd shirt—and she <u>hated</u> him. He could have been a machine. You little creep, she <u>thought</u>, suddenly <u>realizing</u> that the adults she <u>had played</u> as a child <u>must have thought</u> the same thing about her [16, p. 122-123].</p> <p>3. She <u>awoke</u> the next morning with a <u>crushing</u> headache and a determination to <u>get on with</u> her career. Mrs. Wheatley was dead. Harry Beltik was gone. The U.S. Championship was in three weeks; she <u>had been invited</u> to it before <u>going</u> to Mexico, and if she <u>was going to win</u> it, she <u>was going to have to beat</u> Benny Watts <...> The U.S. Championship <u>would be</u> in three weeks; <u>it was</u> time it was <u>won</u> by a woman. It <u>was</u> time she <u>won</u> it [16, p. 144-146].</p>
18-19 лет	<p>1. She <u>had been so wrapped</u> up in chess that only now <u>did she realize</u>: she <u>was</u> actually in Paris! This was Paris, this avenue she <u>was walking on</u>; those beautifully dressed women walking toward her were Frenchwomen, <i>Parisiennes</i>, and she herself <u>was</u> eighteen years old and the United States Champion at chess. She <u>felt</u> for a moment a joyful pressure in her chest and <u>slowed</u> her walking. <...> She <u>might have</u> an apartment here someday, on the Boulevard Raspail or the Rue des Capucines. By the time she <u>was</u> in her twenties she <u>could be</u> World’s Champion and <u>live</u> wherever she <u>wanted to live</u>. She <u>could have a pied à terre</u> in Paris and <u>go</u> to concerts and plays, <u>eat</u> lunch every day in a different café, and <u>dress</u> like these women who walked by her <...> She <u>had</u> something that none of them had, and it could <u>give</u> her a life that anyone might envy. Benny had been right to urge her <u>to play</u> here and then, next summer, in Moscow. There <u>was nothing to hold</u> her in Kentucky, in her house; she <u>had</u> possibilities that <u>were</u> endless [16, p. 174].</p> <p>2. She <u>loved</u> her money; she and Mrs. Wheatley <u>had</u> both <u>taken</u> great pleasure in <u>accumulating</u> it from tournament to tournament, <u>watching</u> it gather interest. They <u>had</u> always <u>opened</u> Beth’s bank statements together <u>to see</u> how much new interest <u>had been credited</u> to the account. And after Mrs. Wheatley’s death it <u>had consoled</u> her <u>to know</u> that she <u>could go on living</u> in the house, <u>buying</u> her groceries at the supermarket and <u>going</u> to movies when she <u>wanted</u> to without <u>feeling pinched</u> for money or <u>having to think</u> about <u>getting work</u> or <u>going</u> to college or <u>finding</u> tournaments <u>to win</u> [16, p. 181].</p> <p>3. Then one morning after a night of dark and confusing dreams she <u>awoke</u> with an unaccustomed clarity: if she <u>did not stop drinking</u> immediately, she <u>would ruin</u> what she <u>had</u>. She <u>had allowed</u> herself <u>to sink into</u> this <u>frightening</u> murk. She <u>had to find</u> a foothold somewhere <u>to push</u> herself free of it. She <u>would have to get help</u>. With a great sense of relief, she suddenly <u>knew</u> who it <u>was</u> she <u>wanted to get</u> help from [16, p. 190].</p> <p>4. She <u>would go</u> alone, or with whomever the State Department found to send with her. She <u>had studied</u> Russian, and she <u>would not be</u> totally at a loss. The Russian players would speak English, anyway. She <u>could do</u> her own training. She <u>had been training</u> alone for months. She <u>finished off</u> the last of her coffee. She <u>had been training</u> alone for most of her life [16, p. 211].</p>

Заключение

Опираясь на приведенные иллюстративные контексты, подведем итоги: автор произведения, следуя закономерностям романа инициации, демонстрирует жизненную событийную канву героини, в которой модели ее поведения отличаются высоким уровнем эмоциональной насыщенности, интуитивных действий, что свойственно нормативной феминности, в то же время проявлением сдержанности, рассудительности, холодного расчета, что свойственно маскулинному типу поведения. Сценарий поведения героини соответствует женскому хабитусу, в котором находит место стратегическое целеполагание, обеспечившее успешную самореализацию в профессиональной карьере. Подытоживая сказанное, отметим, что роман инициации «Ход королевы» представил героиню Бет Хармон, гениальную шахматистку, прошедшую путь от девочки-сироты из приюта до триумфальной победы на шахматном турнире в Москве. Проверка социально-онтологической модальности, разворачивание внутренней эволюции, реализация творческого потенциала сформировали андрогинный тип женской идентичности гениальной героини. Его репрезентация рассмотрена в поле глагольной манифестации как наиболее емкой формы речевого выражения, маркирующей динамику становления идентичности героини. Тем самым подтверждается мысль Э. Бенвениста о том, что язык создан по мерке человека, поэтому его масштаб отражен в организации языка [2, с. 15].

Список литературы

1. Адельгейм И.Е. «Всякое детство есть некая подвижная правда...»: проза инициации в молодой польской литературе конца XX-начала XXI века // Славянский вестник. М.: МАКС Пресс, 2004. Вып. 2. С. 441-453.
2. Бенвенист Э. Общая лингвистика / ред., вступ. ст. и коммент. Ю.С. Степанова. М.: Прогресс, 1974. 448 с.
3. Бовуар С. де. Второй пол. М.: Прогресс, 1997. 832 с.

4. Бодуэн де Куртене И.А. Избранные труды по общему языкознанию: в 2 т. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. 391 с.
5. Вейнингер О. Пол и характер. М.: Терра, 1992. 480 с.
6. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию (Серия «Языковеды мира»). М.: Прогресс, 1984. 398 с.
7. Жеребкина И. Феминизм и психоанализ // Введение в гендерные исследования: уч. в 3 ч. / под. Ред. И. Жеребкиной. Ч. 1: учеб. пособие / Е. Ярская-Смирнова [др.]. Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя, 2001. 991 с.
8. Здравомыслова Е., Темкина А. Социальная конструкция гендера и гендерная система в России // Материалы Первой Российской летней школы по женским и гендерным исследованиям «Валдай-96» / Сборник / Хоткина З.А., Воронина О.А., Клименкова Т.А. и др.; редколлегия О. Воронина, З. Хоткина, Л. Луняякова. М.: МЦГИ, 1997. С. 111-122.
9. Ильиных С.А. Женский пол в калейдоскопе образов // Идеи и идеалы. 2013. № 2(16). Т. 1. С. 123-130.
10. Кирилина А.В. Возможности гендерного подхода в антропоориентированном изучении языка и коммуникации // Кавказоведение. Caucasiology. 2002. № 2. С. 134-141.
11. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна: пер. с фр. Н.А. Шматко / Инт. Экспериментальной социологии. М.: «АЛЕТЕЙЯ», СПб., 1998. 160 с.
12. Потебня А.А. Полное собрание трудов: мысль и язык. М.: «Лабиринт», 1999. 300 с.
13. Фрейд З. Женственность // Введение в психоанализ. Лекции. М.: Наука, 1989. 456 с.
14. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы // Пер. с фр. В. Наумова; под. ред. И. Борисовой. М.: Ad Marginem, 1999. 480 с.
15. Фуко М. Герменевтика субъекта. Курс лекций, прочитанных в Колледже де Франс в 1981-1982. СПб.: Наука, 2007. 667 с.
16. Tevis W. The Queen's gambit. Weidenfeld & Nicolson, 2020, 243 p.

References

1. Adolgejm I.E. Every childhood is a kind of moving truth: prose of initiation in young Polish literature late XX-early XXI c. *Slavyanskij vestnik* [Slavic Bulletin]. Moscow: MAKSPress Publ., 2004, no. 2, pp. 441-453.
2. Benvenist E. *General linguistics*. Moscow: Progress Publ., 1974, 448 p.

3. Bovuar S. de. *The second sex*. Moscow: Progress Publ., 1997, 832 p.
4. Boduen de Kurtene I.A. *Selected works on linguistics*. Moscow: Akad. nauk SSSR Publ., 1963, 391 p.
5. Vejninger O. *Sex and character*. Moscow: Terra Publ., 1992, 480 p.
6. Gumboldt V. von. *Selected works on linguistics*. Moscow: Progress Publ., 1984, 398 p.
7. Zherebkina I. Feminism and psychoanalysis. *Introduction to gender studies* [Vvedenie v gendernye issledovaniya]. Harkov: HCGI Publ.; St. Petersburg: Aletheia Publ., 2001, 991 p.
8. Zdravomyslova E., Temkina A. Social construction of gender and gender system in Russia. *Proceedings of the First Russian Summer School on Women's and Gender Studies "Valdai-96"* [Materialy Pervoj Rossijskoj letnej shkoly po zhenskim i gendernym issledovaniyam «Valdaj-96»]. Moscow: MCGI Publ., 1997, pp. 111-122
9. Ilinykh S.A. Female gender in a kaleidoscope of images. *Idey i idealy* [Ideas and Ideals], 2013, no. 2(16), vol. 1, pp. 123-130.
10. Kirilina A.V. Possibilities of a gender approach in human-centered study of language and communication. *Kavkazovedenie* [Caucasiology], 2002, no. 2, pp. 134-141.
11. Liotar Zh.-F. *Postmodern condition*. Moscow: ALETHEIA Publ., St. Petersburg: ALETHEIA, 1998, 160 p.
12. Potebnaya A.A. *Complete works: thought and language*. Moscow: Labirint Publ., 1999, 300 p.
13. Frejd Z. Femininity. *Vvedenie v psihoanaliz. Lekcii* [Introduction to Psychoanalysis. Lectures]. Moscow: Science, 1989, 456 p.
14. Fuko M. *To discipline and to punish: The birth of the prison*. Moscow: Ad Marginem, 1999, 480 p.
15. Fuko M. *Hermeneutics of the subject*. St. Petersburg: Nauka Publ., 2007, 667 p.
16. Tevis W. *The Queen's gambit*. Weidenfeld & Nicolson, 2020, 243 p.

ДАнные ОБ АВТОРЕ

Винник Евгения Ивановна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии, Институт филологии журналистики и межкультурной коммуникации

*Южный федеральный университет
пер. Университетский, 93, г. Ростов-на-Дону, Ростовская
область, 344006, Российская Федерация
vinnikevgesh@mail.ru*

DATA ABOUT THE AUTHOR

Evgeniya I. Vinnik, Ph. D. in Philology, Associate Professor of English
Philology Department, Institute of Philology, Journalism and In-
tercultural Communication
*Southern Federal University
93, Universitetsky Ave., Rostov-on-Don, Rostov region, 344006,
Russian Federation
vinnikevgesh@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9538-6780>*

Поступила 24.08.2024

После рецензирования 18.09.2024

Принята 28.09.2024

Received 24.08.2024

Revised 18.09.2024

Accepted 28.09.2024